Глава 11

***

Мы можем пережить бесконечное множество событий. Можем ссориться и мириться, держать друг друга за руки, обниматься и целоваться — так часто, что это начнёт казаться почти бессмысленным.

Но человек — существо, живущее памятью.

Первый раз забыть невозможно.

— 19 ноября 2004 года

***

С того самого момента, как «маленький принц» Чэнь Лу появился на свет, окружающие забыли о покое. Сказать, что он рос сорвиголовой, — значит ничего не сказать. Впрочем, всё началось ещё с бурного прошлого Янь Цинвэй, тёти Сяо Яня.

В молодости она училась в Европе, где вышла замуж за француза. Однако едва она забеременела, как в её супруге проснулась пресловутая французская романтичность, толкнувшая его на интрижку с какой-то девицей. Гордая Янь Цинвэй не стала терпеть измену: будучи на сносях, она подала на развод. Роль примерной жены и матери быстро ей наскучила, и, воспользовавшись связями своей семьи, она с головой ушла в бизнес.

Десять лет упорного труда превратили её в полноправную императрицу финансового мира, чья компания прошла листинг на американской бирже. Высокородная, проницательная и жёсткая — в деловой хватке она превосходила любого мужчину. Единственной её слабостью была безграничная любовь к сыну, который как две капли воды походил на отца.

В детстве Чэнь Лу отправили в престижную британскую школу, но мальчик быстро задохнулся в тисках аристократического этикета. Директор Янь, не задумываясь, перевела его в частную школу Нью-Йорка — города свободы. Там Чэнь Лу стал настоящим королём, но отсутствие присмотра и твёрдой руки принесло свои плоды. Никакие богатства не могли превратить его в послушного ребёнка. Талантливый в проказах и ленивый в учёбе, Чэнь Лу быстро освоил все грани порочной жизни: ранние романы, выпивка, драки…

Вся семья была уверена, что парень окончательно избалован и безнадёжен. Лишь Янь Цинвэй сохраняла олимпийское спокойствие, считая, что подростковое любопытство к запретному — вещь естественная. Поначалу она и впрямь ни во что не вмешивалась, словно готова была оплатить любые грехи сына, даже если бы тот пошёл на убийство.

Однако не стоило забывать, что Янь Цинвэй прежде всего была успешным коммерсантом.

В день пятнадцатилетия сына она пригласила Сяо Яня в свою виллу и поставила Чэнь Лу перед фактом:

— Это твой двоюродный брат, а с сегодняшнего дня — ещё и твой учитель. Завтра ты улетаешь с ним в Китай. Я дала тебе вволю набеситься и поиграть, но следующие десять лет ты проведёшь так, как спланировала я. Через десять лет ты станешь лучшим мужчиной в мире. Это моё условие — и моё решение.

Чэнь Лу, которому Нью-Йорк уже порядком наскучил, лишь усмехнулся. Он сорвал с левого уха бриллиантовую серьгу, бросил её безупречному кузену и коротко произнёс:

— Идёт.

Голова в итоге болела только у Сяо Яня. Младший братец начал доставлять проблемы ещё в самолёте, когда стюардесса застукала его за жаркими поцелуями с незнакомкой в туалете. Оправдание было простым: «Слишком долгий полёт, скучно». На летних каникулах он связался с золотой молодёжью, к которой его пристроила мать, и в итоге спелся с самым ненадёжным из них — Ду Вэем. Став неразлейвода, эта парочка начала терроризировать округу своим эпатажем. С началом учёбы ситуация не улучшилась: Чэнь Лу появлялся в школе, но на нормального ученика походил мало — он с азартом нарушал каждое правило.

Вспоминая свои восемнадцать лет — годы тяжёлой учёбы за границей вдали от семьи, — Сяо Янь всерьёз опасался за будущее этого повесы. Именно поэтому неожиданные успехи Чэнь Лу в марафоне привели учителя в неописуемый восторг. Его радость могла сравниться разве что с триумфом самой Янь Цинвэй.

Как выразилась сама Директор Янь: «Тот факт, что мой сын добровольно участвует в коллективном мероприятии для нормальных детей, можно описать только как полное перерождение».

— Я крайне доволен тем, как наш класс проявил себя в марафоне, — Сяо Янь, заложив руки за спину, с улыбкой стоял за кафедрой. Он многозначительно взглянул на Чэнь Лу. — Особенно хочется отметить волю к победе наших четверых участников. Давайте поздравим их аплодисментами.

Чэнь Лу лишь отвернулся к окну, разглядывая залитые солнцем листья гинкго. Гул аплодисментов стих.

— А теперь давайте послушаем, что чувствуют наши герои, — продолжил Сяо Янь.

Линь Илинь вежливо поднялся:

— Только благодаря поддержке одноклассников я смог добежать до конца. Всем спасибо.

Двое спортсменов промямлили что-то невнятное. Чэнь Лу даже не соизволил встать. Он просто улыбнулся и объявил на весь класс:

— Было утомительно. Сегодня вечером занятий нет, так что я угощаю весь класс суши в буфете. Идите, кто хочет, дело добровольное.

Не прошло и пары секунд, как радостные вопли учеников окончательно испортили настроение Сяо Яню. Линь Илинь молча начал собирать свои задачники.

— Только попробуй не прийти, — ледяным тоном бросил ему Чэнь Лу.

— У меня дела, — Линь Илинь явно не собирался менять свои учебные планы.

— Если ты не придёшь, зачем мне вообще их кормить? — фраза вылетела у Чэнь Лу прежде, чем он успел её обдумать.

Линь Илинь замер от неожиданности. Молодой господин, осознав, что сболтнул лишнего, вспыхнул и вскочил с места, рявкнув:

— Ты же староста!

В наступившей тишине Чэнь Лу рывком надел очки и грациозно вышел из класса, словно и вовсе не имел к этому месту отношения.

Сяо Янь закипал от гнева, но воспитание не позволило ему сорваться. А вот вконец ошарашенный Линь Илинь обернулся к одноклассникам:

— Почему он на меня разозлился? Я ведь правда не заставлял его бежать.

Ду Вэй, обретший свободу после решения Чжао Цзывэй перевестись, пребывал в полусонном состоянии. Уткнувшись лицом в парту, он пробормотал:

— Моя суженая сбежала, не трогай меня, Сяо Линьцзы…

***

Он никогда не принимал ничего близко к сердцу. Ему казалось, что он легко может как получить желаемое, так и отказаться от него. Но почему этот человек, спокойный до невозможности, раз за разом заставляет его терять самообладание? Это пугало.

Чэнь Лу поспешно плеснул в лицо холодной водой и уставился на своё отражение в зеркале.

Возможно, в мире Линь Илиня была одна редкая вещь, которой не хватало самому Чэнь Лу: осознанность. Искренность. Целеустремлённость.

В начале семестра Чэнь Лу и впрямь презирал Линь Илиня. Он не понимал, как можно жить так лицемерно и изнуряюще ради вещей, на которые сам Чэнь Лу даже не взглянул бы. Он хотел насмехаться над ним, причинять боль, стать камнем преткновения на пути этого «образцового юноши» и с наслаждением наблюдать за его крахом.

Но теперь всё перевернулось. Теперь он сам, потеряв контроль, кружит вокруг Линь Илиня, а тот лишь равнодушно отмахивается.

Чэнь Лу начал понимать: то, к чему стремится Линь Илинь, ему недоступно. Это яростное, отчаянное усилие изменить свою судьбу — на такую смелость способен далеко не каждый.

Это было слишком упрямо, слишком просто и слишком… цепляло за душу.

Чэнь Лу глубоко вздохнул. С его острого подбородка сорвалась капля воды. Он вдруг негромко рассмеялся. Что ж, он никогда не боялся быть изгоем — ни в чём.

***

Тем вечером во время банкета авторитет Чэнь Лу в классе взлетел на недосягаемую высоту. Ресторан на верхнем этаже пятизвёздочного отеля был полностью забронирован под них. Безлимитные суши высшего качества, японская аудиосистема с потрясающим звуком — несколько десятков школьников устроили настоящий кутёж, особенно когда узнали, что Сяо Янь не придёт их контролировать.

Однако не все были счастливы. Линь Илинь с самого начала сидел с отсутствующим видом, а при взгляде на два суши с морским ежом его и вовсе чуть не стошнило. Он не думал о чувствах Чэнь Лу. Он лишь ощущал, что вся эта роскошь — чудовищное расточительство, которое пугает своей избыточностью.

Ему вдруг до боли захотелось оказаться дома, где мама, поздравляя его с очередной наградой, готовила простой сладкий суп. Скорее всего, Чэнь Лу прав: его удел — привычный запах бедности.

— Тебе не нравится? — Чэнь Лу, вертя в руках бутылку саке, присел рядом.

Линь Илинь покачал головой:

— Нет, всё нормально. Слушай, не подбивай ребят пить, ладно? Все ещё несовершеннолетние.

— А, ну да… — Чэнь Лу посмотрел на него и, к удивлению Линь Илиня, послушно отдал бутылку официанту. В его синих глазах вспыхнула догадка. — Ты, наверное, просто никогда не ел сырую рыбу и тебе непривычно? Да выкинь это, закажи что-нибудь готовое.

С этими словами он небрежно смахнул тарелку Линь Илиня на поднос проходившего мимо официанта. Золотистые суши с морским ежом повалились на бок, точно два крошечных мертвеца, и уплыли прочь.

Линь Илиня захлестнуло внезапное раздражение.

— Да, я никогда такого не ел. И мне не нравится.

— Чего ты сегодня такой ершистый? Что случилось? — Чэнь Лу оторопел, но даже не подумал злиться.

— Ничего. Мне просто нехорошо. Веселитесь, а я пойду, — Линь Илинь нацепил вежливую улыбку, встал, подхватил школьную куртку и направился к выходу.

Чэнь Лу нахмурился. Спустя пару секунд он не выдержал и, напустив на себя вид полнейшего спокойствия, бросился следом.

— Линь Илинь! — крикнул он на весь коридор, не обращая внимания на удивлённые взгляды посторонних, и быстро сократил дистанцию.

Староста Линь остановился и обернулся. Он был холодно учтив:

— Что-то ещё?

— Вернись, — Чэнь Лу подался вперёд и крепко схватил его за запястье.

— Зачем? Я не хочу там быть, — Линь Илинь попытался вырваться. Сил не хватало, и в конце концов он вспылил: — Отпусти! Мне сегодня претит этот ваш «запах богатства», ясно тебе?

Пользуясь секундным замешательством Чэнь Лу, Линь Илинь высвободил руку и почти бегом бросился к лифту. Двери открылись, он зашёл внутрь.

— Ты что имеешь в виду? — ледяным тоном спросил Чэнь Лу, застыв на месте.

Линь Илинь не ответил. Он решительно нажал на кнопку закрытия дверей. Видя, как створки

сходятся, Чэнь Лу наконец дал волю своему деспотичному нраву. В последний момент он ладонью заблокировал двери. Зайдя в кабину, он первым делом снова нажал кнопку закрытия.

— Ты что имел в виду? — повторил он вопрос.

Замкнутое пространство давило на Линь Илиня. Он опустил взгляд на мягкий ковёр под ногами и после недолгих колебаний решил высказать всё:

— Мы из разных миров, Чэнь Лу… Мне от тебя не по себе, и тебе со мной тоже. Я не знаю, хочешь ты поиздеваться надо мной или правда решил подружиться, но в любом случае — это невозможно. Всё, что нас связывает, — это школа. Мы просто одноклассники. И только.

Чэнь Лу выразил целую гамму чувств — от изумления до трудноуловимого гнева. Линь Илинь, глядя на его подрагивающие ресницы, почти приготовился к удару. Но молодой господин заговорил на удивление спокойно:

— Сегодня я наконец всё понял. Мы и правда разные. Мы не попутчики. Поэтому мне неинтересно издеваться над тобой, и у меня нет ни малейшего желания с тобой дружить.

Линь Илинь во все глаза смотрел на него. Чэнь Лу мягко улыбнулся и продолжил:

— Кажется, я на тебя запал. Ты мне нравишься, Линь Илинь.

Староста Линь не успел даже осознать смысл этих слов, как почувствовал на губах тёплое прикосновение.

Это был поцелуй подростка — в нём смешались робкое благоговение и пробуждающаяся жажда. Чэнь Лу собственническим жестом притянул его к себе. Мягкий, свежий аромат Линь Илиня принёс ему гораздо более острое, почти запретное наслаждение, чем он мог вообразить.

Языки соприкоснулись, дыхание сбилось, становясь прерывистым и коротким. Он в упор смотрел в чёрные глаза, и в этом взгляде была толика лукавства. Поцелуй скользнул ниже, и Чэнь Лу осторожно прикусил тонкую шею Линь Илиня.

http://bllate.org/book/17434/1663288